

Тема Великой Отечественной войны и холокоста в современной литературе для детей и подростков XXI века

Советский писатель и журналист **Василий Гроссман** писал в **1943** году: *«Человеческий мозг обладает злосчастным, а может, счастливым свойством: прочитав в газете или услышав по радио о гибели миллионов, он не может постигнуть, осознать происшедшее, он не в силах представить себе, увидеть мысленным взором, измерить глубину произошедшей трагедии...».*

Когда мы называем статистические данные трагедии, или читаем лекцию, основанную лишь на линейном изложении событий, мы не подключаемся эмоционально, не пропускаем через себя и не присваиваем себе переживания. Но если мы смотрим на историю через призму **личных воспоминаний**, то черно-белый негатив окрашивается цветом, становится реальным, живым, а значит – **становится ближе и понятнее**.

В этом случае самый простой способ – это **искусство: литература, кино, театр, даже живопись и музыка**. Есть много замечательных книг, написанных людьми, переживших войну и Холокост. По мотивам дневников и художественных произведений сняты фильмы, появляются пьесы, написаны произведения изобразительного искусства и музыки.

Важным инструментом информирования становятся **музеи**. Наверное, в каждом краеведческом и школьном музее есть экспозиции и выставки, посвященные теме войны, на которых заостряется внимание на трагедии не только в общегосударственных и региональных масштабах, но и основанных на личных историях конкретных людей (повседневная история в том числе). Сотрудники музеев и сами дети рассказывают о дневниках, которые велись в это страшное время подростками и молодыми людьми, о своих родных и близких, кто не пережил или всё же смог пережить эту страшную войну. Бойцы фронта или участники тыла, жители оккупированных территорий или угнанные на работы в Германию, люди, томящиеся в застенках концлагерей. Это всё рассказы о людях, которые, рискуя своей жизнью, спасали людей и страну или просто пытались выжить.

Сейчас всё больше разрабатываются тематические экскурсии, адаптированные специально для детей. Например, экскурсия под названием «Три куклы», где через историю трех игрушек рассказывается история трех детей времён войны.

Разговор о войне должен строиться вокруг конкретных артефактов, будь то документальный фильм или свидетельство. Ребятам предлагается самим выбрать формат изучения. Это может быть постановка спектакля или исследование какой-то конкретной темы. Например, **книги для детей, которые говорят с подростками на их языке**. Благодаря им рассказы о войне и людях той поры становятся не только обобщенной историей о судьбе народа во время войны, но приобретает для читателя **актуальное и личное звучание**.

22 июня – День памяти и скорби. 27 января – день памяти жертв Холокоста. Великая Отечественная война – часть Второй мировой. Поэтому тема нашего сегодняшнего разговора выйдет за рамки собственно Великой Отечественной.

Мы не имеем права забыть тех, кто воевал и не дожился до Победы, тех, кто отдавал последние силы, работая в тылу, тех, кто был замучен в плену... Война не различает детей и взрослых. Война – это всегда страшно.

Как сказала детская писательница, воспитатель детского сада, **Людмила Дмитриевна Никольская**: *«У всякой войны во все времена подлое лицо»*.

Много ли знает сегодня подрастающее поколение о войне? О том, как погибали старики, женщины и дети, как рушились мечты и надежды. Самыми интересными военными книгами для детей и подростков всегда были те, где главные герои — сверстники наших юных читателей. Это истории о жизни ребят, которые становились сиротами, попадали в плен, голодали, выживали, брали в руки оружие, защищали своих матерей, братьев и сестёр, погибали... Война не оставила им времени на детство, они обязаны были взрослеть.

И именно поэтому дети обязательно должны знать, что такое война. Время идёт, но мы храним память о Великой Отечественной войне. Совсем не важно, как это называть – патриотическим воспитанием, уроками истории или информацией для общего развития, но детям необходимо знать о подвигах и славе предков, о страшной угрозе, нависшей не только над нашей страной, но и над всем миром, и о великой Победе. Сохранить память о войне, о её героях нам помогают книги. И выбирать надо книги такие, чтобы ребята прочувствовали, поняли и заинтересовались. Книги о войне — трудное чтение, необходимое для понимания истории и связи поколений. Ещё раз повторюсь, не надо тематически приурочивать чтение книг к каким-то датам. Чтение должно быть *постоянным и систематическим*.

Возможно, нам нужен новый язык, новый способ для рассказа следующему поколению о периоде 40-х годов прошлого века. Подобных попыток на сегодняшний день сделано немного, но они заслуживают самого пристального внимания.

Очень часто говорится о том, что сейчас иные времена – другие дети, дети крайне прагматичные, в их жизни остаётся совсем мало места духовному и эмоциональному. Поэтому необходимо подбирать для чтения именно такую литературу, которая затронет, в первую очередь, *душевную сферу личности*, во вторую, *заинтересует «миром детства»* в другие эпохи. И здесь на первый план выходят работы о детях военной поры. Через призму восприятия другого ребенка трагические страницы нашей истории становятся ближе и понятнее современному школьнику.

Специфика современной детско-подростковой литературы

Современная детско-подростковая литература многообразна и интересна, развивается и в контексте традиций детской литературы XX века, и в русле современных течений постмодернизма и реализма. В ней представлены практически все темы, так или иначе затрагивающие «детский мир», поднимаются вечные и современные проблемы, актуальные людям нового тысячелетия.

Критики, утверждающие, что данная литература второсортна, забывают о специфике поэтики детско-подростковой и юношеской литературы, которая, с одной стороны, опирается на наработки «взрослой» литературы, в основном — реалистической:

- жизнеподобие изображаемого;
- типичность характеров персонажей и типичность среды, в которой они существуют;
- динамика развития характеров главных героев;
- пейзаж как средство раскрытия характера и/или переживаний персонажа;
- психологизм раскрытия образа (путь духовных исканий персонажей);
- речевая характеристика героя и пр.
- нравственная доминанта, иногда выраженная в авторской позиции и позиции ряда персонажей, иногда — на уровне пафоса произведения.

С другой стороны, изначально литература для детей, подростков и юношества создавалась ***на стыке литературы и педагогики***, поэтому ей в большей или меньшей степени свойствен дидактизм, назидательность, однозначно расставленные акценты, образ положительного героя как образца для подражания, герой-антагонист как образец личности, думающей и поступающей не по нравственным нормам, принятым в той или иной среде, у определенного народа или общечеловеческим.

В то же время авантюрный герой пришел в эту литературу из произведений эпохи Возрождения, а приключенческий сюжет — из романтических произведений XIX столетия. Отсюда романтический пафос в приключенческих произведениях, созданных на реальной или жизнеподобной основе.

Таким образом, основные принцип детско-подростковой литературы — создавать произведения художественные без явной публицистичности и агитации, в высшей степени обобщенные, но в то же время «узнаваемые» и понятные ребенку-читателю. ***Принцип жизнеподобия*** — основной принцип отечественной детско-подростковой и юношеской литературы XX столетия, во многом опирающийся на традиции реалистического метода в искусстве. Безусловно, это в большей степени относится к прозе, нежели к лирике. Наиболее ярко он проявляется в традиционной школьной повести и в повести о детстве, в которых показан путь становления человека как

личности, путь духовного взросления. И этот принцип продолжают развивать в своём творчестве современные авторы.

Именно поэтому в таких произведениях место действия абстрактно, скорее — типично, персонажи похожи на ребят-ровесников из соседнего двора, а мысли, чувства и переживания, поступки героев совпадают с мироощущением их сверстников той же эпохи, и часто — с мировосприятием детей и подростков во все времена, решающих сходные проблемы.

Такие книги легко воспринимаются современными детьми и не травмируют психику неподготовленного читателя. В основу книг положен художественный вымысел, но основанный на реальных событиях.

Одновременно в жизнеподобное произведение всегда вклинивается *фантастическое* — в XX веке в меньшей степени, в современной детско-подростковой литературе **в большей**. Вымысел, сказка, фантастика — важные элементы поэтики литературы для детей и подростков, второстепенные — в литературе для юношества.

Современная традиционная повесть о детстве редко обходится теперь без обращения к прошлому, так как специфика жанра требует демонстрации примера для подражания, который чаще всего берётся из истории России. И тема Великой Отечественной также находит своё отражение.

Работая над семинаром *«Тема Великой Отечественной войны в прозе для детей XXI века»*, можно выделить несколько произведений *современных авторов*. Не так много, кстати сказать, написано современными авторами, многое просто переиздаётся из старого. В России в последнее время стали активно переиздавать художественные произведения середины XX в., которые остаются актуальными для современного читателя-школьника, понятны и интересны ему (издательство «Самокат», «Речь» и другие). И действительно, уже так много сказано о войне современниками тех страшных событий, и для детей в советской литературе создано немало произведений... Может, и не стоит снова обращаться к этой теме? Оказывается, стоит. На первый план выходят работы *о детях военной поры*, причем **реже** ведётся **рассказ от первого лица** — участника событий, бывшего в середине века ребёнком или взрослым (солдатом, тыловином). Герой-рассказчик — обобщённый образ уже дедушки или бабушки, а то и прадедушки — прабабушки, их друзей и ровесников.

В обзоре я представлю произведения, вышедшие в 2000-е годы. Именно этот временной промежуток был взят за основу в выборе произведений авторов.

Никольская Людмила Дмитриевна «Должна остаться живой» (Речь) серия «ВОТ как это было»: **Повесть написана в 2003 году:**
<https://www.litmir.me/br/?b=190548&p=51&fbclid=IwAR2p-7UQV74Tbdu6s9uXIB-kHtC8pCyIN59OfUtmLEWvXJoDD23Y9uSpJWM>

Автор книги, Людмила Дмитриевна (1923-2011), сама пережила блокаду, в 1941 году она только закончила школу, как началась война. Но юная жительница Ленинграда не покинула город и была зачислена в комсомольский противопожарный полк обороны. Людмила дежурила на чердаках и крышах домов, чтобы мгновенно обезвреживать бомбы, попадающие в здания, а также присматривала за детьми, чьи родители работали сутками на заводах. Может быть, именно поэтому образ города нарисован так реалистично. Никольская видела, как город постепенно вымирал.

«Когда разбомбили Бадаевские склады, – как-то вспоминала Людмила Дмитриевна, – они долго горели, в результате чего масло, сахар, варенье вместе с землей составили сладкую массу. В это трудно поверить, но земля та по вкусу напоминала сладкий творог. Вот эту массу потом обменивали на хлеб. Появились карточки. На фронте выдавали тогда 400 граммов хлеба, нам – по 250. Хлеб был черный и липкий, как замазка, а на вкус очень кислый. Но как же он нам был дорог! Был один случай: тетка лежит больная, а я как раз пришла с дежурства. Она мне и говорит, что два дня не получала хлеб. Попросила отоварить ее карточки. Пришлось занимать очередь с четырех часов утра, а народу уже было – не протолкнешься. Стояли очень долго. Снег шел. Когда подошла моя очередь, произошел трагический случай. Передо мной хлеб получала женщина, но не успела она его в сумку положить, как коршуном налетел мальчишка лет десяти-одиннадцати и вырвал у нее этот продукт. Пацаненок впился зубами в кусок и бросился в сугроб, чтоб никто не помешал ему насытиться. Бедолага! Очередь, словно звери, на него набросилась, стали бить... Жутко было наблюдать эту картину».

История одного месяца трудной блокадной зимы маленькой Майи в городе, опустевшем и разрушенном в самое тяжёлое для него время первой зимы. Читатель видит его глазами главной героини, чье детство прошло в осажденном городе. Именно она отмечает те изменения, которые происходят в первый год блокады: *«Всё перепуталось. Ленинград стал фронтом. Его бомбят, обстреливают. В нём убивают».*

Перед нами даже не город, а живой организм, который *«притих, затаился, словно сжался, и стал меньше, стал неузнаваемым».* Но, погруженный в холод и тьму, он только казался мертвым, несмотря ни на что, Ленинград жил: *«На Курляндской улице из отрезка водопроводной трубы с краником лилась день и ночь струйка воды... С рассвета и до темна возле трубы толпился народ. Воду брали строго по очереди. Суеты и давки никогда не было».*

Рассказывая о городе, автор рисует первую блокадную зиму. *«Леденящий ветер злобно воет, жутким экспрессом несётся вдоль проспекта, отыскивает щёлки в дверях, окнах, одежде, чтоб в них забраться, остудить, заморозить».*

Но страшнее холода был голод: *«...началась блокада, а с ней в город змеёй вполз голод».* Люди стали странным образом на себя не похожи. Все почему-то на одно лицо. Создавая образ города, автор не раз подчеркивает, что мир изменился, изменилась жизнь вокруг. До войны дворы Ленинграда были полны детских голосов; сегодня они пусты, *«не слышно ребячьей возни, шума и криков, дворы опустели».* Одни покинули город до блокады, другие уже покоились на Пискаревском кладбище, *«оставшиеся невылазно сидят в своих холодных промозглых квартирах и боятся голодной смерти».*

Изменения эти коснулись и облика осажденного города: *«Уродливо и страшно торчат развороченные прямым попаданием фугасных бомб ещё недавно красивые дома».* Темные улицы, окна без проблеска света смотрят на мир забитыми фанерой окнами - к этому трудно привыкнуть.

Приметы блокадного города отражаются и в мире природы. Кажется, природа безразлична к людским страданиям. *«...Лето 41-го было сухим и жарким. Город задышался, спал с настежь открытыми окнами. Горожане изнывали, ждали дождя, как манны небесной».* Далее наступает зима, и перед читателем проходят картины человеческих страданий на фоне бесстрастной и холодной природы: *«Блокадная зима сорок первого года продолжалась. Невыносимая, нечеловеческая зима».*

Город представляет собой зрелище, на которое страшно и больно смотреть, но следует отметить, что он оставался величественным и непокоренным: *«И сейчас в нём голодно и холодно. Но приказано: город фашистам не сдавать. И город яростно сопротивляется».* Автор повести не раз подчеркивает: *«Город поддерживал порядок и сам себя защищал. Как мог».*

Перед нами жильцы коммунальной квартиры, но какими были их отношения между собой до войны, мы узнаём параллельно с блокадными событиями. В книге часто появляются отсылки к мирному времени, воспоминания или сны.

В этой повести немало впечатляющих деталей: чудом не съеденный котёнок, страшные сны об отце-фронтовике.

Юная Майя в этой повести стремится помогать всем, *«даже если не получается, даже если страшно».* Каждый день в её жизни происходят новые события - порой такие незначительные для взрослых, но такие значимые для маленькой девочки. Несмотря на ужасы войны, несмотря на боль и страх, Майя верит в лучшее, надеется и ждёт. И хотя повесть полна трагизма, она всё же наполнена светлым оптимизмом и надеждой, что Война когда-нибудь закончится.

Майя, несомненно, вызывает симпатию, потому что она добрая и отзывчивая. Война не изменила характер девочки, она по-прежнему живо интересуется всем, что происходит вокруг. На все события имеет свое собственное мнение и отстаивает его в горячих спорах с мамой, братом, соседями и друзьями. Ребенку свойственно иметь свой особый взгляд на мир, он отрицает само существование смерти и верит, что ничто на земле не может исчезнуть, кануть в лету. Вот и Майя, несмотря на то, что ее тело от голода становилось вялым, исключала смерть: *«Жизнь должна быть у неё долгой, силы её неистощимы. Только вот пройдет головокружение, исчезнет слабость, перестанет дрожать тело. И снова будет всё в порядке».*

Особая тема блокадного Ленинграда – *дети*. Словосочетание *«ленинградские дети»* в те суровые годы у всех без исключения вызывало особые чувства: сердца сжимались от боли и жалости.

!!! Трудно современным школьникам понять, что еда может быть наваждением.

- Днем воспоминания о булке с маслом, которую в то другое, довоенное время, ты выбросила, потому что хотела гулять и не успевала доесть.
- Во сне ты пьешь молоко, и оно не заканчивается. Просыпаешься и хочешь вернуться *«в прекрасный сытный сон, где рекой льется парное молоко, в буфете полным-полно хлеба и масла».* Обижаешься на маму: *«Зачем разбудила? Я спала себе, есть у тебя не просила, тебе не мешала».*
- Это луна, которая так похожа на каравай.
- Это «вкуснящий» студень из столярного клея,
- Варенье, которое мама варила из сладкой земли (где горели Бадаевские склады с продовольствием): *«Там где горел сахар, земля стала коричневой обугленной сладкой кипенью. И глубоко пропиталась сладостью. Она была липкой, отдавала керосином и тёплой горечью».*
- Это когда *«хлеб взвешивается с аптекарской точностью»*, а *«редкие крошки тщательно собираются продащицей и кладутся на кусок хлеба, крошки приклеиваются, такие они сырые и липкие».*
- Это понимание, *«что бабушка отрывает ему от своего пайка, что он брат не должен. Но сделать ничего с собой не мог и – брал».*

В Ленинграде ввели карточную систему, и *«неожиданно для всех и для неё самой, Майя обнаружила стойкую готовность долгими часами простаивать в очередях».* В это трудное время девочка находит талоны на хлеб, и перед ней стоит выбор: оставить себе или искать того, кто их потерял. Но как отказаться от дополнительной пайки хлеба? Это ее мучает: *«Лучше ничего не находить, если потом надо отдавать!»* В поисках хозяина заветных карточек Майя встречается с разными людьми и проявляет удивительную стойкость и силу характера. Она способна выслушать, поделиться душевным теплом, а холодной зимой 1941 не каждому взрослому это было по плечу, когда голова кружится от голода, а тело так окоченело, что невозможно пошевелить рукой.

Чтобы спастись от холода ленинградцы ставили в квартирах маленькие печки «буржуйки». Майя вначале с пренебрежением смотрела на это *«забавное сооружение на кривых ножках»*, которое по сравнению *«с высоким красавцем-камином из зеленого изразца»* смотрелось нелепо и ничего кроме смеха не вызывало. Девочке не верилось, что эта маленькая печка способна обогреть их комнату с высокими потолками, тогда как *«в студёные зимы с такой задачей и зелёному камину не под силу справиться»*.

Но со временем она смогла оценить преимущество этой *«крохотной духовки на кривых ножках»*. Отстояв длинные очереди за хлебом, окоченев от холода, Майя приходила домой, вставала поближе к печке-буржуйке, *«недавно протопленная, она обволакивала озябшую девочку расслабляющей теплотой»*. Эта смешная, на первый взгляд, печка была довольно коварна. Мама сказала, что с нее нельзя спускать глаз ни на минуту, она моментально раскаляется и *«сидеть с ней рядом становится нестерпимо жарко, прямо сам начинаешь пылать и докрасна раскаляться»*. Также быстро она и остывала, не успев нагреть комнату. Майя искала ей оправдание: *«А если комната без стёкол, окна забиты, заткнуты ватными матрацами, тряпками?»*

Война обнажает в человеке глубоко скрытое, заставляет иначе взглянуть на привычное, повседневное. До войны маленькая героиня любила всякую погоду. Она понимала, что погода не вечная, и скоро на смену ей придет другая. Все было ясно и понятно: *«В холодное время надо лучше есть, побольше топить. Чтобы не заболеть. И ещё: не было бы зимы, разве люди сами догадались бы построить тёплые дома? Так и сидели бы до скончания света в своих пещерах, продуваемых ветрами»*. Но зима 1941 года была особенно жестокая. Майю волнует вопрос: *«Может быть, погода думает: идёт, мол, война, а люди бестолковые, сами плохо едят, плохо топят. Она ждёт, что с ними будет дальше?»*

Голод и холод подчиняют человека своей власти, стараясь погрузить в сон, лишить жизненной энергии. Вот и Майя все чаще стала замечать в себе непонятную лень. Все тяжелее стало подниматься по лестнице, ноги дрожат в коленях, спина ноет. С удивлением она отмечает: *«Смеяться и громко разговаривать уже не хотелось. Так бы и сидела кулёмой неповоротливой»*. Ее это удивляет и злит одновременно: *«Она сердилась на себя за это непонятное, происходившее с ней»*.

Время в эту первую блокадную зиму равнодушное, монотонное, кажется, что оно остановилось, ребенок с трудом осознает: прошел всего один месяц. *«Какая длинная зима. Тянется и тянется, а если сосчитать, прошел всего один зимний месяц, - удивилась Майя»*.

История Майи – это история тысяч и тысяч девчонок и мальчишек, чье детство перечеркнула война, но не убила в них жажду познания и особое, свойственное только детям, эмоционально-духовное восприятие жизни. Книга Людмилы Никольской правдивая, искренняя и трогательная. Финал повести открыт, и читатель может только догадываться о судьбе Майи и всех, кто остался в блокадном Ленинграде. Но

жизнеутверждающее заглавие «Должна остаться живой» дарит надежду на светлое будущее героев повести (использованы материалы Натальи Савушкиной).

Станислав Олефир «Когда я был маленьким, у нас была война...»

<https://www.litmir.me/br/?b=255878&p=1>

Станислав Олефир «Когда я был маленьким, у нас была война...» (2006 г. г. Приозерск) (издание КомпасГида): издание не повторяет уже ранее выходящую часть рассказов, часть совпадает, другая – нет, у некоторых – другие названия. По сути это просто зарисовки и небольшие воспоминания. Они даже не всегда идут в хронологическом порядке, так, в какой-то момент мы узнаем, что дядя главного героя был убит, а в следующей главе он вновь живой. И сразу не поймёшь, что это скажут воспоминания, кажется, что автор либо запутался, либо кто-то неверно выстроил последовательность рассказов. Видимо, всё же в основу последовательности рассказов заложен принцип детской спутанной памяти ребёнка. Поэтому в новом сборнике мы чувствуем внутреннее движение. Здесь детский взгляд на довоенные события, войну и после сочетается с опытом и мудростью человека, пережившего всё это.

Всё меньше остаётся свидетелей истории — людей, помнящих 1940-е годы. Ещё меньше тех, кто в состоянии воссоздать атмосферу тех лет. **Станислав Михайлович Олефир (1938-2015)** — из тех редких мастеров, которому это удалось в полной мере. Олефир родился в Запорожье, в селе Пологи в учительской семье: мама была учительницей начальных классов, а отец – директором школы. Мальчик много читал и мечтал о путешествиях и приключениях. Выучился в сельхозтехникуме на агронома, был кукурузоводом. Потом ушёл в школу преподавал химию и ботанику, и долгие годы воспитывал детей. Окончив химико-биологический факультет Хабаровского пединститута, Олефир уехал на Крайний Север, более сорока лет прожил в Магаданской области, на Камчатке и Чукотке. Помнят его и как автора более двух десятков художественных и научно-популярных книг. Большинство из них рассказывает детям и о природе и людях Крайнего Севера, о детстве в годы войны. Станислав Олефир – из того поколения, которое не могло легкомысленно относиться к слову «война». Победу они праздновать не умели – как можно радоваться дню, унёсшему жизнь отца, крёстного, деда, дяди? Но при всей их серьёзности «младшие дети войны» сохранили о страшных годах не одни лишь пугающие воспоминания: остались в их памяти и эпизоды поразительно светлые, иногда даже смешные. Об определяющих исторических событиях Станислав Олефир рассказывает в кратких очерках с помощью историй простых людей, избегая громких слов и обобщений.

Сборник автобиографических рассказов Станислава Олефира «Когда я был маленьким, у нас была война...» — книга редкая в своем роде. Война, какой её запомнил писатель, стала благодаря детскому воображению особенным временем, когда человеческие характеры видны особенно четко. Пяти- или шестилетний ребенок тогда, в условиях оккупации, неожиданно научился видеть в окружающих то, о чем прежде и подумать не мог. Однако как жизнь ни заставляла бы ускоренно взрослеть, дети остаются детьми, и даже в оккупации находят время для игр и забав.

Действие сборника разворачивается в небольшом селе, оккупированном немцами, и захватывает также годы после освобождения. «Большие темы» — война, жестокость немецких солдат, голод — автор затрагивает с помощью частных человеческих историй, зарисовок об удивительных людях, живших с ним бок о бок. Галерея ярких персонажей здесь абсолютно шукшинская — чего только стоит железнодорожный мастер Федя, без тарелки вкусного борща ни за что не приступающий к работе!

Поскольку жизнь в селе, где происходит действие, немислима без животных, они тоже становятся героями чуть ли не половины рассказов: друзья-собаки, безголосые куры и славный поросёнок Шерстюк, ловко оббегающий мины в поисках картошки, оказываются не менее интересны, чем люди. Тяжёлое время, описанное в повести, воспринимается разнопланово: какой бы трагической ни была эпоха, быт всё равно сохранялся, а забавные случаи происходили несмотря ни на что.

Аудитория книги — конечно, дети среднего и старшего школьного возраста. Однако понравится издание и старшему поколению, поскольку никаких скидок на детское восприятие автор не делает: сборник «Когда я был маленьким, у нас была война...» — серьёзный и важный, и Станислав Олефир отчётливо это понимал.

«Вообще говоря, появляется не так уж много современных книг на эту тему. Отечественные писатели не то чтобы игнорируют военную проблематику, но либо пишут очередной стандартный текст о подвиге, самопожертвовании и героизме на передовой, либо упражняются в фэнтези и сочиняют истории про «попаданцев», есть даже целые фэнтези-серии о «приключениях» наших современников на полях сражений Второй мировой войны, и, к сожалению, их не за что хвалить. Пару лет назад мы все радовались появлению прекрасной книги Э. Веркина «Облачный полк», но с тех пор ничего подобного не издавалось. Да и путь «Облачного полка» к читателям не был прямым и коротким, несмотря на то, что рукопись книги заняла первое место во втором сезоне конкурса «Книгуру» (Евгения Шафферт).

Эдуард Веркин, неоднократный победитель всевозможных литературных конкурсов. Его аудитория — мальчик-подросток, его книги — суровое, но чувствительное чтение. Как говорят о писателе коллеги, Эдуард *«пишет одного героя — это умный, язвительный подросток, остро смотрящий на окружающий мир»*. Эдуард часто пишет о любви, хотя вы не встретите ни самого слова «любовь», ни прямых описаний этого чувства («Друг Апрель», «Герда»). Эдуард — преподаватель истории в университете в Иваново.

Про *«Облачный полк» Веркина* уже очень много сказано, и с одним точно можно согласиться, — это лучшая книга о войне за последние 20 лет. Книга прогремела в 2011 году, в 2012 — победила в конкурсе Книгуру, неоднократно переиздавалась в издательстве КомпасГид. Книга — роман о герое Великой Отечественной войне, герое партизанского движения — Саныче (Леониде Александровиче Голикове). Хотя возрастной маркер обозначен цифрой **16+**, смело можно предложить читать с **14 лет**).

*«Блистательный сюжет, позволяет понять современному подростку, далёкому от военного времени, **каждодневный страх**» (Алексей Копейкин, автор и редактор портала «Библиогид», критик, библиограф, исследователь детской литературы). «Эдуард берёт бронзовый миф о герое и превращает его в **живую историю**» (Алексей Олейников, писатель). Этот текст не о подвиге, а о повседневной мальчишеской жизни внутри партизанского отряда. «**Войну можно сравнить с вечным понедельником, а вторника может и не случиться**» (Алексей Олейников, писатель).*

В повести **Эдуарда Веркина «Облачный полк»** герой, уже прадед, вспоминает своё военное детство в партизанском отряде и рассказывает об этом своему правнуку. Писатель вводит другого героя – Димку, который и вспоминает главного героя – Санюча (на протяжении всего романа Санюча 2-3 раза называют по имени и ни разу по фамилии!) Повествование очень субъективно – текст представляет собой обрывки мыслей, рассказ об обыденности жизни партизанского отряда.

Сначала может показаться, что для понимания данного произведения надо, чтобы читатель знал историю, историю Великой Отечественной: что за чем было, когда отступали, куда, что было партизанское движение (сначала стихийное, потом организованное), про северо-западное направление и блокаду Ленинграда... потом обязательно про то, что творили немцы на оккупированных территориях, потом неплохо бы знать про героев этой войны, взрослых и не очень взрослых... Иначе книга не «зайдёт». Но после прочтения пришла к выводу: «а, может, и не надо, может, и для непосвященного читателя это будет очень даже понятно, захватывающе и, может, подтолкнёт его к истории, литературе о войне...» По сути, текст двуадресный – и для посвящённого читателя и для того, кто впервые соприкасается с подобной тематикой.

История написана хорошо, без пафоса – просто про взрослеющего мальчишку, остроумного, порой едкого, умеющего интересно рассказывать, кое-где и приврать, о его первой и последней любви, о дружбе и верности, о его увлечении рыбалкой, максимально приближая подростков к событиям 1942 года – о трудностях, голоде и холоде, о невыносимых условиях, о страшных фактах войны и оккупации.

Роман приправлен полусказочными историями и суевериями. Интересная линия с военным корреспондентом (обыграна история с подменой фотографии) и полусумасшедшим художником, который был провидцем (его картина «Облачный полк»).

При всей обыденности описаний военных будней, при дегероизации и снижении высокого пафоса, который так свойственен советской литературе о войне (недостижимости Героя, Его понимания своей сверхмиссии), автор не ушёл от главного – пересоздания героического мифа на современный лад – идей патриотизма, любви и защиты родины, хотя нигде нет даже намёка на назидательность.

Для взрослого в книге просматривается проблема исторического, - является ли оно достоверным и если является, то насколько. Сквозной темой романа становится засвеченная плёнка – как символ конфликта прошлого и истории, как символ невидимости истории, как последний исчезающий след уходящего времени.

– *Так что там на плёнке-то было?* – спрашивает Вовка у прадеда, и вся повесть – это неозвученный ответ на этот вопрос. Интересно, что все развёрнутые рассказы героев отнесены к опыту прошлой довоенной жизни, а страшные события реальных войны связаны с онемением («язык окончательно заблудился в зубах и онемел»).

Автор погружает читателя в воспоминания главного героя Димки, бывшее не рассказывается, а фрагментарно воскрешается в памяти как серия шоковых кадров, которые не соединяются в единую картину. Главный герой до войны увлекался фотографией – он наделён особым взглядом на мир и воспринимает окружающую его реальность как потенциальный фотоснимок. Поэтому сквозными становятся мотивы, связанные с камерой: фотография не только останавливает время, но и становится подлинным историческим документом.

Но в финале описывается постановочное фото, как доказательство того, что историческое знание обречено быть ошибочным. И ещё автор говорит о конфликте истории и искусства, не зря в повести появляется художник. С живописцем связан отдельный картинный сюжет. Картина этого художника - «Облачный полк» - дала название всей повести. Причём в конце картина как бы «превращается» в фотоснимок – символическое превращение – единственное достоверное свидетельство прошлого, описанное здесь. История не может быть описана внешне, она существует как внутреннее знание, поэтому уподоблена мифу, в который историю превращает искусство.

Рассказ Елены Коровиной «У Лёки большие щеки», посвящённый блокаде Ленинграда – о ребенке в блокадном городе, голоде, испытаниях. Это современный автор, но информации о ней нет даже на сайте журнала «Кукумбер», где рассказ был опубликован в 2009 году: <http://kykumber.ru/stories.php?story=2633>
<https://www.pravmir.ru/u-lyoki-bolshie-shheki/>

Автор – Елена Коровина, родилась в 1983 году. Студентка факультета журналистики и массовых коммуникаций Университета Российской Академии Образования. Выпускница Свято-Димитриевского училища сестер милосердия. Корреспондент молодежного журнала «Наследник». Рассказ вошёл в её сборник под общим названием «Поиграй со мной» (книга представляет собой рассказы о молодежи и для молодёжи, об их мыслях и их чувствах, о том, что они считают любовью, о том как преодолевают предательство, неверность, неверие, о том как ищут и ждут обыкновенного человеческого счастья).

«На Пискаревском в этот день – народу...
Рядами толпы взрослых и детей.
И все-таки усопших очень много,
Гораздо больше, чем живых людей.

Война закончилась... и это нам
в наследство:
Кресты безмолвные – страна могил.
И в голоде измученное детство,
И шепот: «Хлеба!» – из последних сил.

Встал на колени парень молодой,
Лицо уткнул в могильный рыхлый холм,
Он выжил. Он не умер. Он живой...
«Ты слышишь, мама? Я твой сын Артем!»

Дрожащими руками положил
Он на могилу пышную буханку,
И на кресте листочек прикрепил
И зарыдал – отчаянно и жалко.

А на бумаге – через много лет-
Слова такие, что острее кинжала:
«Родная мама! Возвращаю хлеб,
Который ты всегда мне отдавала».

Эти стихотворные строчки написала внучка отца Артемия, героя рассказа, который был спасен жертвенной любовью матери в дни блокады Ленинграда, отдавшей последнюю краюшку хлеба для сына.

Марина Рудалёва написала стихотворение, посвящённое детям, не дожившим до снятия блокады Ленинграда:

Меня уже не увезут по Ладоге
Из города, где стало страшно жить.
Где снег январский - вязкий, будто патока.
Где каждый взрыв гремел: - " Убить! Убить! "

Где каждый новый день пугал рассветами
Багровыми, у Пулковских высот.
И где лежали, в белый снег одетые,
Блокадники, у кованных ворот.

Меня уже не увезут по Ладоге
В заманчивые сытые края.
Я в город свой весной спущусь по радуге
И в дом войду, где нет уже меня.

Там будет стол, накрытый белой скатертью,
И створки окон настезь на Неву.
И, как в далёкой до военной памяти,
Смеяться солнце будет сквозь листву...

Меня уже не увезут по Ладоге
Туда, где я могла бы дальше жить...
Я в город свой весной спущусь по радуге,
Чтоб вместе с вами этот мир любить.

26.10.2015

Ольга Громова «Сахарный ребёнок»

Книга писателя Ольги Громовой (главный редактор профессионального журнала «Библиотека в школе», ИД «Первое сентября») «Сахарный ребёнок» записана ею со слов Стеллы Нудольской, чье детство пришлось на конец 30-х - начало 40-х годов в Советском Союзе (в послесловии автор пишет об этом). Произведение рассчитано, скорее, на старший подростковый и юношеский возраст.

Как и произведение Евгения Ельчина «Сталинский нос», основанное на воспоминаниях его отца, так и подростковый роман Ольги Громовой повествует о реальных людях и событиях: о девочке Эле и ее маме, оказавшихся в ссылке в Киргизии как члены семьи «врага народа». Это пронзительная, очень личная, трогательная до слёз история.

Счастливое детство в любящей семье прервалось слишком рано — Эле (Стелле) было всего пять лет. Она вдруг оказывается дочерью «врага народа» и попадает в страшный, непонятный ей мир: после ареста отца их вместе с матерью отправляют в лагерь в Киргизии как ЧСИР (членов семьи изменника Родины) и СОЭ (социально опасные элементы).

Но впечатлительный и умный ребенок запомнил практически всё, что произошло в их с матерью жизни на протяжении более 10 лет. С первых же строк поражает обилие деталей и сцен. Суровая «школа жизни», жёсткое и одновременно трепетно-любящее воспитание матери помогли Стелле достойно прожить и последующую нелегкую жизнь. Несмотря на все испытания, голод, издевательства, лишения, и болезни, которые им приходится пережить, Эля и ее мама не падают духом: по-настоящему заботятся друг о друге. Несмотря на все ужасы, ребёнок все равно продолжает видеть в людях доброту, сострадание и взаимопомощь. Ее вера в то, что

жизнь прекрасна и хорошие люди есть, настолько сильна, что помогает ей находить силы и преодолевать все трудности. Главное помнить, что «хороших людей вокруг всё равно больше, чем плохих, надо только, чтобы твоя обида на жизнь их не заслоняла».

«Хотя повествование ведётся от лица ребёнка, перед нами впервые предстаёт образ русской дворянки, выстоявшей в тяжелейших моральных и физических испытаниях. Инвалид детства, мать Эли не отказывается от тяжелой работы ни в концлагере, куда она сначала попадает с пятилетней дочкой, ни на поселении. Это не «кисейная барышня» или «тургеневская девушка», это мужественная и сильная женщина, которая в любых ситуациях пытается создать своему ребенку «нормальное детство», шутит и читает стихи, поет песни, вселяет уверенность в то, что все испытания преходящи», - Наталья Евгеньевна Кутейникова, к.п.н. по методике преподавания русского языка и литературы, методист в Школе имени Маяковского г. Москва.

Роман Ольги Громовой — предельно реалистичное произведение, которое с полным правом можно назвать социально-психологическим романом, «романом воспитания», это история о любви и о том, что такое достоинство и что такое свобода. Точнее всего о свободе говорит мама Эли: «Рабство - это состояние души. Свободного человека сделать рабом нельзя».

Книга переведена на нидерландский язык, вошла в лонг-лист премии «Книгуру» (2013), была отмечена дипломом им. В.П. Крапивина (2014), вошла в список «Нравится детям Ленинградской области» (2014), в шорт-лист «Лучшие российские книги 2014 года: выбор детей» (2015), в шорт-лист премии им. Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» (2015) и список выдающихся детских книг мира «Белые вороны», составляемый Мюнхенской международной детской библиотекой (2015).

Ольга Колпакова «Полынная ёлка»

Ольга Валерьевна - детский писатель, журналист, автор более тридцати познавательных и художественных книг, председатель Содружества детских писателей Екатеринбурга, один из организаторов Международной детской литературной премии им. В.П. Крапивина.

«Повесть Ольги Колпаковой «Полынная ёлка» немного рифмуется с «Сахарным ребенком» О. Громовой, но представляет историю чуть более поэтичную, воздушную, где-то даже музыкальную. Если в книге Ольги Громовой поражает обилие деталей и сцен, то в произведении Ольги Колпаковой — эмоциональный фон» (Н.Е. Кутейникова).

Что делать, если ваша семья — вдали от дома, от всего привычного и родного, и перед Рождеством у вас нет даже ёлки? Можно нарядить ветку полыни: нарезать бахрому из старой изорванной книжки, наклеить из теста барашков, курочек, лошадок. Получится хоть и чёрно-бело, но очень красиво! Пятилетняя Марийхе знает: на

тарелке под такой ёлкой утром обязательно найдётся подарок, ведь она весь год хорошо, почти хорошо себя вела. Рождество остаётся праздником всегда — даже на незнакомой сибирской земле, куда Марийхе с семьёй отправили с началом войны.

«Полынная ёлка» - история о русских немцах, насильно вывезенных в Сибирь в годы войны, также основана на реальных событиях, но представлена словно через поволоку — ровно такую, какая возникает, когда память естественным образом притупляется. И через толщину семи десятилетий проступает лишь самое главное, самое болезненное, самое трогательное. Это история о страшном голоде, о невозможности нормального лечения, и герои книги умирают.

«Мы долго говорим. Слушать – страшно. Представлять – ещё страшнее. Оправдать невозможно. Не знать – нельзя. Эти истории – словно протянутая из прошлого рука. Та, что поможет тебе в трудную минуту».

«С благодарностью и любовью – Марии Андреевне и Геннадию Теодоровичу Фити, решившим рассказать свои истории, а также Андрею Александровичу Вольфу, который всё помнил, но старался не рассказывать».

«Папу и многих остальных мужчин из нашей деревни забрали на войну. Война была уже совсем близко к Ровнополю. Однажды мы услышали взрывы. Мы заклеили окна в домах бумажными ленточками, чтобы стёкла никого не ранили, если вдруг окно разобьёт взрывом. А на ночь завешивали их покрывалом и одеялами, чтобы фашисты не увидели свет, и не поняли, что здесь есть люди, и не сбросили на нас бомбы с самолётов. Мы с Миной не очень знали, что это за такая война. А Лиля мама с папой объяснили. На Советский Союз – страну, где мы живём, напала другая страна. Та страна, которая напала, называется Германия. В Германии живут немцы. Лилия ничего не поняла. Потому что мы тоже немцы. Наши мальчишки, конечно, иногда дерутся друг с другом, но взрослые-то не такие дураки! А ещё наши мальчишки иногда дерутся с мальчишками из других деревень».

Детская память сохраняет лишь обрывочные воспоминания, лишь фрагменты родительских объяснений о том, как и почему так произошло. Тяжёлая поступь истории приглушена, девочка едва слышит её — и запоминает тихие моменты радости, мгновения будничных огорчений, хрупкие образы, на первый взгляд ничего не говорящие об эпохе 1940-х. Марийхе, её сестры Мина и Лилия, их мама, тётя Юзефина с сыном Теодором, друзья и соседи по Ровнополю — русские немцы. И хотя они, как объяснял девочкам папа, «хорошие немцы», а не «фашисты», дальше жить в родных местах им запрещено: вдруг перейдут на сторону противника? Каким бы испытанием для семьи ни был переезд, справиться помогают добрые люди — такие есть в любой местности, в любом народе, в любое время.

Кстати, меня, как историка, впечатлили в конце книги небольшие исторические справки, написанные на доступном языке ребёнку, ровно столько, чтобы понять ту эпоху.

Мария Ботева. «Сад имени т.с.»

Мария Ботева – детский и взрослый писатель, журналист. Она пишет повести для подростков, сказки, пьесы, стихи, документальные тексты. Ее произведения узнаваемы благодаря самобытности языка и голосу рассказчика. Международная Мюнхенская юношеская библиотека включила ее книги «Мороженое в вафельных стаканчиках» и «Маяк – смотри!» в список выдающихся книг мира «Белые вороны». Во многих своих повестях она рассказывает о взаимоотношениях внутри семьи. Это не идиллическая семья, но проблемы сглаживаются юмором и взаимной поддержкой. Как говорит сама Мария, *«семья – это интересно, скопище людей с разными характерами, все живут вместе, все (или не все) друг друга любят»*. Автору интересно представлять, как они друг с другом живут, что скажет один, что сделает другой. И между ними все равно что-то общее есть, хоть и характеры разные.

Новая повесть также рассказывает историю большого семейства Казанцевых, которое переехало из частного дома в многоквартирный и обнаружило в сундуке со старым хламом удивительную фотографию. На ней изображен Трофим Савоськин, 19-летний юноша, на берлинской улице — и сделан снимок в мае 1945-го. Оказывается, прадед Светы, Глеба, Васьки и Сашки был среди тех, кто поднял знамя Победы над рейхстагом. Этот факт заставляет детей совсем по-новому взглянуть на многие вещи. Прошлое и настоящее сплелись воедино. Прошлое способно менять настоящее, и история с Трофимом Савоськиным изменила его потомков и их жизнь... к лучшему. И, конечно, была восстановлена историческая справедливость – Трофиму вернули звание героя по праву.

Васька заочно влюбится в деда-героя и всем вокруг о нём расскажет: *«В школе выступал Васька, и как выступал! Соловьем, можно сказать, пел. Все рассказал: и о том, что Трофим встретил войну в восьмом классе и сразу сознательно отправился работать на фанерный завод вот тут, в Калужницу. И о том, что в сорок третьем году, после того как в семью пришла страшная повестка о гибели отца, он сбежал на войну. Попал в отряд связистов, стал разведчиком. И воевал доблестно и героически, получил небольшое ранение в руку и медаль «За отвагу». И так героически продвигался всю войну. И вот 30 апреля 1945 года стал первым из тех, кто водрузил знамя победы над Рейхстагом. Самым первым, это Васька повторил раза три»*. А Свету и троих мальчишек ждёт большое испытание – им предстоит защищать *свою* родину.

Старый дом теперь становится и для взрослых, и для детей их *малой родиной*, куда они периодически сбегают помечтать или пострадать. Сад нельзя уничтожить, потому что он живой, а прадед становится легендарным пращуром, в честь которого называют сохранённый сад. Для детей «это – сад имени того сада», сада их детства.

Для чего нужно узнавать историю своей семьи? Для того, чтобы узнавать себя и жизнь вокруг. Дети в книге узнают не только что-то новое о своем родственнике, а

вообще о мире, когда что-то начинает происходить вокруг сада, вокруг их семьи. Если бы не было Трофима, то они не поехали бы в его родную Калужницу.

«Ваське надо было бежать домой, чтобы всем вместе пойти на Главную площадь. Там они встанут впереди большой колонны людей, поднимут над головой портрет Трофима Савоськина и папиного дедушки Миши, он тоже был на войне. Все остальные, весь город пойдет за моими родными, и каждый будет держать портреты тех, кто воевал в Великой Отечественной. А я не пойду. – Как-то ты не любишь Трофима, – сказал мне Васька. – Я? Не люблю? Да я его обожаю! Я люблю Трофима больше всех, это уж точно. С его потрохами и занозинами, я даже совсем не стыжусь, что он после войны стал спиваться и спился окончательно, а жить с ним было очень тяжело. Тетя Зина говорила, что он ее несколько раз чуть не побил в ее детстве. А еще рассказала, что многие в городе над ним смеялись, считали его дурачком, болтали, что он просто придумал, будто первым повесил знамя над Рейхстагом, даже не знамя, бывшую красную занавеску...»

В основу произведения положена реальная история: жизнь и подвиг Григория Булатова (в произведении – Трофима Савоськина), который первым прорвался на Рейхстаг и водрузил на нём красный флаг.

*«Я пишу его [послесловие] только с одной целью – рассказать о Григории Булатове. На самом деле я придумала имя Трофим Савоськин. Но вся история с флагом и героем, который первым прорвался на Рейхстаг, была. Звали героя Григорий Булатов. Во время Великой Отечественной войны Григорий Петрович служил в разведывательном взводе. 30 апреля 1945 года он участвовал в штурме Рейхстага. Вместе с Виктором Правоторовым он установил красное штурмовое полотнище своего полка в окне второго этажа. Но командир взвода лейтенант Семён Сорокин посчитал, что знамя видно плохо. Тогда Григорий Булатов закрепил красный флаг на конной скульптурной композиции на фронте над главным входом. Это был первый советский флаг на крыше Рейхстага, и он провисел там девять часов. В пол-одиннадцатого вечера флаги над Рейхстагом установили другие группы разведчиков. Михаил Егоров и Мелитон Кантария водрузили официальное, не самодельное знамя 1 мая в третьем часу ночи. Днём 1 мая над Рейхстагом развевалось больше сорока флажков и флагов. Фашисты подожгли Рейхстаг и посбивали всё, что было красного цвета, на Рейхстаге. Тот флаг, который водрузили Егоров и Кантария, уцелел. 2 мая они перенесли его на купол Рейхстага. Первое время о Григории Булатове говорили как о герое. За этот подвиг его должны были наградить звездой Героя Советского Союза. Но через несколько дней знаменосцами Победы стали называть Алексея Береста, Михаила Егорова и Мелитона Кантария. Так родился один из мифов советского периода. А Григория Булатова наградили Орденом Красного Знамени и заставили молчать о своем подвиге двадцать лет. Через двадцать лет никто не верил бывшему разведчику, который уже крепко выпивал. В городе Слободском, где он жил, Булатова прозвали **Гришка-рейхстаг** – за то, что пытался рассказать свою историю. В 1973 году Григория Петровича Булатова нашли повешенным. Ему было только сорок семь лет. Как бы сложилась его жизнь, если бы об этом подвиге знали*

все, если бы не смеялись над ним, а принимали как героя? Для чего было нужно, чтобы жизнь Григория Булатова сломалась? Не знаю, сможем ли мы ответить на эти вопросы. Но давайте хотя бы помнить о том, что такой человек был. О том, что он был первым. Конечно, мимо этой истории не пройдешь. Про Григория Булатова написано уже немало, и если кто-то захочет узнать о нем – обязательно это сделает. Почему же я написала эту книгу? Мне захотелось подумать, как чувствуют себя люди, которые узнают, что их родственник – герой. Да еще какой! И последнее. Работать над книгой мне помогли Людмила Григорьевна Пырегова, дочь Григория Булатова, и Наталья Валерьевна Лихачёва, заведующая Центром патриотического воспитания имени Григория Булатова МКУ «Слободская городская библиотека им. А. Грина». Спасибо им!»

М. Ботева.

Очень важна тема отношения к ветеранам войны: Трофим Савоськин, даже не будучи героем книги (о нем только говорят и вспоминают остальные), воспринимается как человек из плоти и крови, со всеми сложностями, противоречиями, неприятными и трагедией. Но Героем он, дошедший до Берлина, быть при этом не перестает:

«Мы сидели, и тетя Зина вспоминала своего папу, Трофима Савоськина. И в этих ее воспоминаниях он был обыкновенным человеком, совсем не героем, не в форме, а в старом сером пиджаке, в кепке, ходил, выпятив грудь, свистел сквозь пальцы, матерился. Потом он немного успокоился и помолодел, смотрел на совсем маленькую дочку с нежностью, катал на плечах, делал на ложке конфеты из жженого сахара. Ловил рыбу из проруби, приносил домой грибы из леса, а однажды – цветы из соседского сада. Наконец-то я поняла, какого Трофима я люблю. Вот такого – простого, как папа, дядя Игорь или дядя Толя. Такого, каким может когда-то стать Глеб, Васька, Сашка».

Книга Марии Ботевой «Сад имени т.с.» стала лауреатом Премии имени В.П. Крапивина сезона 2018 года. *«Рассчитанная на читателей среднего школьного возраста повесть «Сад имени т.с.» – книга сколь своевременная, столь и вневременная: это та классика, которая рождается на наших глазах».*

«В современных литературных кругах вопрос о том, какие темы можно затрагивать в книгах для детей и подростков, вроде бы уже нашёл своё решение, достойное Соломона: о чём бы ни шла речь, главное — чтобы написано было талантливо и адекватно возрасту читателя. Иными словами, литература для детей рассматривается теперь, как и всякое другое искусство: не так важно — что, важно — как.

Цикл «Ленинградские сказки» Юлии Яковлевой

Цикл «Ленинградские сказки» Юлии Яковлевой выходит с 2015 года в московском издательстве «Самокат». Возрастное ограничение: 12+. Как пишет само издательство о цикле – это история о самых трудных годах отечественной истории XX века ленинградской семьи, детей, у которых родителей забрали — «Ворон унес».

Сейчас в цикл входят четыре книги: *«Дети ворона»*, *«Краденый город»*, *«Жуки не плачут»* и *«Волчье небо»*. Планировалось 5, но, похоже, автор остановится. Она писала, что и четвёртую не хотела создавать, но читатель очень просили.

Юлия Яковлева — писатель, профессиональный историк балета, искусствовед, журналист. В 1990 – 2000-е годы была профессионально связана с Мариинским театром: сотрудник пресс-службы и музея театра, организатор гастролей балетной труппы, лектор. В этот период вышли ее книги *«Мариинский театр. Балет. XX век»*, *«Азбука балета»*, *«Азбука любви»*, а также пьесы *«Квартира № 1937»*, *«Конечная остановка»*, *«Марш по домам»*. В качестве театрального критика стала известна благодаря сотрудничеству с газетой *«Коммерсантъ»* и журналом *«Афиша»*. Постоянный автор портала Colta.ru и других ключевых изданий о современной культуре. Автор пьес, как драматург сотрудничала с London Royal Court Theater. В последние годы Яковлева пишет *детективы* и *реалити-сказки* (цикл *«Ленинградские сказки»*).

Наталья Савушкина (до 2019 года работала главным библиографом в РДГБ, литературный критик, писатель [*«Царское дело»*, *«Шапка-невидимка»*], ведущая рубрики "Семья" в журнале "Нарния: служение детям") написала критическую рецензию на первую книгу *«Дети ворона»*. В начале своей рецензии она пишет: *«Одновременно мы наблюдаем ещё одну тенденцию: писатели, а вслед за ними — издатели, с азартом и поспешностью стараются просветить детей сразу во всех областях. Возможно, такая всеохватность продиктована именно желанием наверстать упущенное и преодолеть запреты, которые существовали прежде, а также тем, что художественному произведению часто приписывают функцию своеобразной прививки, не без оснований полагая, что некоторые вещи лучше «пережить» в книге, чем в жизни»*.

А Анна Наринская (публицист и литературный критик) пишет (текст – на обложке к четвёртой книге *«Волчье небо»*) о Юлии и её книге: *«среди неприметных признаков состоявшегося произведения – оно должно стать тренажёром для души читателя»*.

Цикл посвящен одному из самых тяжелых периодов в жизни нашей страны: репрессиям, войне и послевоенному времени. Юлия Яковлева пишет об этом страшном времени, и она пишет о нем максимально честно, давая право голоса и живым и мёртвым, и тем, кого традиционно принято считать хорошими и тем, кого традиционно принято считать плохими. Потому что нет ни плохих, ни хороших. Автор не вываливает на нас ни подробных описаний, ни реалистичных жестоких сцен, но пары фраз иногда хватает, чтобы максимально погрузиться в момент и потом думать об этом часами. Что до сказочного, то оно, конечно, присутствует в текстах в избытке, это и перемещение в другой мир, и превращение в животных, и разговаривающие птицы и даже ожившие игрушки, ну, а как иначе дети смогли бы пережить все эти ужасы и не сойти сума, по-другому никак.

В первой книге Шурка и Танька остаются одни в городе, ищут Ворона, чтобы освободить родителей, попадают в приют, становятся невидимыми для других, «врагами народа». *«Дети ворона»* были названы главным событием 2016 года в подростковой литературе, вошли в шорт-лист литературной премии «Ясная Поляна», попали в международный список «Белые вороны» среди лучших 200 книг из 60 стран, а также выиграли IN OTHER WORDS крупнейшего британского фонда поддержки детской литературы BOOKTRUST.

«Каменная глыба сталинского террора всё ещё толком не осмыслена в литературе для юных, и намерений сдвинуть её было немного» (Наталья Савушкина).

Что мы можем вспомнить по теме? –

- «Сталинский нос» Евгения Ельчина,
- «Сахарный ребёнок» Ольги Громовой,
- для старших — «Девочка перед дверью» Марьяны Козыревой

плюс то, что читают подростки по программе гуманитарных классов:

- «Один день Ивана Денисовича», «Раковый корпус» А. И. Солженицына,
- «Софья Петровна» Л. К. Чуковской,
- «Ночевала тучка золотая» А. И. Приставкина.

Собственно, и всё, если не пытаться расширить список за счёт зарубежных авторов и темы Холокоста.

Юлия Яковлева захотела поговорить с детьми о репрессиях, и для этого она выбрала своеобразный подход: часть рассказанной ею истории происходит в мире реальном, часть — в мире вымышленном.

Действие первой книги, *«Дети ворона»*, начинается в **1938 году** и рассказывает о страшных временах сталинских репрессий. Именно в ней мы знакомимся с главными героями цикла «очень советскими» - хулиганом и неслухом Шуркой, отличницей с двумя длинными косами Таней и очаровательным малышом Бобкой в шерстяных штанишках, не желающим есть кашу и прячущим её в старую калошу. Это вместе с ними мы пройдем долгий и страшный путь. В начале книги они смотрят на мир очень по-советски. Это они, вполне благополучные, счастливые и немного наивные дети в любящей и понимающей семье, совсем скоро столкнутся с ужасами сиротства, с жестокостью и циничностью взрослых, с безразличием системы и беспощадным вороном, который унес их родителей.

И только пройдя разные испытания, начинают, наконец, думать своим умом и понимать, что происходит на самом деле с их семьей, с другими людьми, со страной. Когда родителей арестовывают, как врагов народа, что бывает с детьми? От них все отворачиваются. Их забирают родственники, если не боятся. Но чаще всего дети

попадают в детский дом. Вот эти варианты судьбы «члена семьи врага народа» и показаны в книге. И беспризорное бродяжничество, голод, холод, воровство. И очереди у тюрьмы, и попытки узнать что-то о судьбе арестованных родителей, и отчуждение соседей, которые предпочитают не замечать детей, а только захватить скорее их комнату в коммуналке и их имущество... И страшный приют, напоминающий концлагерь, где из детей стремятся выбить все воспоминания о прошлой жизни.

«*Краденый город*» — попал в лонг-лист премии им. В. Крапивина в 2017 году. Во второй книге дети оказываются в блокадном городе, ищут выхода из этой реальности.

В «*Краденом городе*» прекрасный и такой знакомый Ленинград станет чужим, холодным и враждебным городом, который как будто стремится очистить свои улицы от людей. **1941-й год.** Блокада Ленинграда опять же показана глазами детей. Детский, не всё понимающий взгляд спасает произведение от излишней натуралистичности и безысходности. А нам, взрослым читателям, вполне достаточно того, что мы видим глазами Тани, Шурки и Бобки. И мы ведь, в отличие от героев книги, прекрасно знаем, что будет с городом дальше... Тетя Вера идет работать в госпиталь. Дядю Яшу забирают на фронт. Из-за происков зловещего черного ворона и его верных слуг главные герои не эвакуируются и остаются в Ленинграде. И свято верят, что врагу их город не по зубам. Но из репродуктора то и дело слышатся плохие вести об оставленных Красной армией городах... А потом прилетают вражеские самолеты и начинают бомбить город... и идут артобстрелы... И во всех магазинах вдруг заканчивается провизия... и хлеб продают по карточкам, то и дело уменьшая норму...

В этой книге дали слово всем. Вот правда, несмотря на **12+**, в этой книге о блокаде есть все, что в ней было на самом деле. Завуалировано, но оно есть. И человек, который пытается выкупить у детей их *собачку, чтобы ее съесть*. И *людоедка*, которая заманивает Шурку в квартиру и ставит на огонь большую кастрюлю воды, и мы понимаем, зачем ей мальчик, но все выглядит так, как будто это не реальная женщина, а какая-то сказочная *баба Яга*. И *люди, опустившиеся* от голода до животного состояния, готовые лакать на четвереньках из собачьей миски. И люди, готовые за еду – воровать и убивать. И люди, везущие на *санках мумий*, завернутых в простыню. И люди, «*спящие*» на *ступеньках*. И мальчик, выкидывающий пряники в мусорную урну, еще до блокады.

Безжалостный ворон скармливает камни-города неведомому чудищу, а в Ленинграде вдруг пропадают из магазинов продукты, с улиц животные, с лиц – эмоции, и даже люди вдруг начинают пропадать или превращаться в *кукол*. Но дети выживут и вырастут, выживут в основном не благодаря, а вопреки всему.

«*Жуки не плачут*» попали в лонг-лист премии «НОС». В третьей книге дети переживают тяготы эвакуации и пытаются своими силами остановить нескончаемую войну.

1943 год, поезд уносит Таню и тётю Веру в безопасный, теплый и сытый южный город, а Шурка и Бобка, спасённые дядей, оказываются в маленьком провинциальном городке, который и городом-то назвать сложно. А война между тем не щадит никого и даже далеко за Уралом находит свои новые жертвы, но *«Жуки не плачут»*. Смогут ли ребята найти друг друга, станет ли Ленинград для них снова домом или так и останется холодным, враждебным и чужим, и где их родители, мы узнаем?

И вот, четвертая часть, что же в ней? *«Волчье небо»*

Ленинград освобожден, Шурка и Бобка вернулись из эвакуации, дядя Яша с немой девочкой Сарой — с фронта. И вроде бы можно снова жить: ходить в школу, работать, восстанавливать семью и город, — но не получается. Будто что-то важное сломалось — и в городе, и в людях: дядя Яша вдруг стал как другие взрослые, Сара накрепко закрылась в своей немоте, а бедному Бобке все время смешно — по поводу и без... Шурка понимает, что нужно во что бы то ни стало вернуть Таню, пусть даже с помощью *Короля игрушек*, — но какую цену он готов за это заплатить?

Свои отзывы о новой книге и серии написали для обложки Анна Наринская (публицист и литературный критик) и Сергей Сдобнов (критик, обозреватель онлайн-медиа «МЕЛ», ведущий PIONER TALKS).

Анна Наринская: «Умение разговаривать с юными о юных – один из самых плохо тренируемых навыков. Это или есть, или нет. У Ю. Яковлевой это есть. Страшное прошлое, увиденное невинными, но требовательными и такими теперешними глазами. Абсолютная пропасть между «тогда» и «сейчас». Полное сходство между «тогда» и «сейчас».

Сергей Сдобнов: «Дети показаны слишком быстро выросшими. Они, как и современные, плохо поддаются обучению, потому что мир вокруг преподаёт жизнь быстрее школы, а лозунги вроде «в наши дни такого не было» не работают... Вместе с автором мы попадаем в момент, когда «урок истории идёт без глаголов в прошедшем времени». Маленьким и большим героям «Ленинградских сказок» необходимо оживать после войны, которая задела всех. Но противостояние заканчивается только снаружи. Пока жители Ленинграда колот лёд, пробуждая от страшного сна Петергоф, внутри каждого выжившего догорает свой маленький огонь по тем, кто пока ещё не пришёл с фронта, потерялся или ушёл навсегда».

Ленинградские сказки – это смесь реализма и сказки. *«Что касается жанра, это коктейль из реализма, мистики, страшных сказок и городских легенд в духе Нила Геймана»*: говорящие птицы и крысы; оживающие игрушки; глаза и уши, вырастающие из стен и наблюдающие за всеми и каждым; улицы, потерявшие свои прежние имена; злое, мыслящее и действующее пространство; город, роняющий на людей колонны, убирающий арки и двери с их пути, заманивающий в ловушки, стремящийся убить.

«Ленинградские сказки» - это цикл про сталинские репрессии, про войну и блокаду, послевоенное время. И в то же время – о *приключениях* трех детей. Написано реалистично и в то же время – сказочно. И эта сказочность выводит книги на другой уровень. Может, не надо искать скрупулезно между строк, не переврал ли автор исторические факты, было ли на самом деле в те годы – вот именно так. Потому что автор сразу дает понять: это не попытка описать в точности то, что было тогда. Это «вариации на тему». Правда называть эти тексты «сказками» язык не поворачивается. Это страшные истории.

«Разноцветный снег» Наталии Волковой

Если ребятам нравятся такие повести, как *«Я иду искать» Бориса Алмазова* и *«Неизвестный солдат» Анатолия Рыбакова*, то их, скорее всего, заинтересует и другой послевоенный детектив – *«Разноцветный снег» Наталии Волковой*. Возраст героев и читателей этой книги как раз между Костей и Сережей, а действие происходит в наши дни.

«Разноцветный снег» Наталии Волковой для среднего школьного возраста. На счету Наталии Волковой, учителя английского языка (родилась в 1977 году), десятки популярных книг для детей и подростков, многочисленные премии и победы в конкурсах (им. А. Толстого, им. П. Ершова, им. К. Васильева, им. С. Михалкова и др.). Она создает не только художественную прозу и стихи, но и нон-фикшн: ее энциклопедиями зачитываются школьники по всей России.

Умение превращать обширную коллекцию фактов в занимательный текст помогает писательнице и в повести *«Разноцветный снег»*: книга и увлекает так, что не оторваться, и призывает внимательнее взглянуть на исторические события. *«Разноцветный снег»* - произведение затягивающее и вместе с тем тонкое, требующее пауз на размышление. Повесть Наталии Волковой вошла в финальный список премии им. В. П. Крапивина - 2017 и удостоена специального приза от екатеринбургских библиотек.

«Я не смогла бы даже отдалённо представить, какой была жизнь маленького оккупированного города в Великую Отечественную, если бы не моя бабушка. Всё детство я слушала её поразительные рассказы о городке Острогжске, рисуя в воображении его улочки, площади, палисадники и церкви. Я всё расспрашивала и расспрашивала её, пытаясь осознать, что это значит — видеть, как к тебе врываются незваные гости, принимаются тобой командовать, угрожать, требовать чего-то», — пишет Наталия Волкова в предисловии к своей книге.

Вот как в жизни бывает: из одной случайной встречи вылилась целая история, напоминающая детектив. 13-летняя Стася столкнулась с Яковом Семеновичем, новым библиотекарем, а тот пригласил ее в литературный кружок. Конечно, Стася позвала с собой и Ромку - хорошего друга, у которого в семье случилась беда, - чтобы как-то отвлечь.

«Нарисуйте на одном листе снег, а на другом – ночь», - такое странное задание Яков Семенович дал на первом занятии. И надо же, все справились с ним по-разному! Были и другие удивительные задания - например, покопаться в истории Антона Петровича Старцева. Это тот самый предатель, которого в О-жске помнят с войны. Казалось бы, про Старцева все давно известно, но библиотекарю Якову Семеновичу удалось достучаться до подростков и правильно поставить главный вопрос: «А предатель ли Старцев?» - и жажда справедливости по-настоящему оживила ребят. Стася с друзьями обнаруживают недостающие детали пазла - детали, ради которых стоит даже тайком пробраться в кабинет директора... По мере движения к разгадке главной интриги читатель, как и герои повести, примеряет на себя судьбы многих людей. Прошлое оказывается сложнее, чем представлялось, да и настоящее тоже.

Тема войны подана в её повести как-то удивительно мягко и притом актуально. Главная героиня – не только ученица 7 класса Стася, от имени которой ведётся повествование, но и загадочный персонаж – предатель времён войны Старцев, вокруг которого всё закручено. Библиотекарь Яков Семенович, руководитель литературного кружка, предлагает подросткам интересную задачу. В годы фашистской оккупации местный учитель немецкого языка служил переводчиком, а после был осужден как предатель. Но Якову Семеновичу кажется, что все не так ясно и однозначно. Юным детективам предстоит распутать клубок и узнать, что же произошло на самом деле. Был ли учитель предателем? И пусть никого не вернуть, но добрая память и справедливость многого стоят.

Стася - честная, равнодушная, чувствующая, думающая и читающая. Причём такие книги, которые читают не все: на Лайвлибе «Избранное: Пятая печать. Рассказы» Ференц Шанта прочитали всего 30 человек. Но эта книга очень важна для неё и для всех, кто живёт в этой истории. Потому что она про сущность человека, про его душу и про тот выбор, который он делает в критический момент. Современные подростки эмоционально переживают события, произошедшие во время оккупации фашистами маленького городка под Воронежем, пытаются разобраться в обстоятельствах и фактах, касающихся человека, которого тогда объявили предателем: каково было жить в годы войны? что происходило в головах тех, кто доносил на своих, переходил на сторону противника или просто стремился выжить в условиях оккупации? Этими вопросами начинают задаваться и герои Наталии Волковой.

История сама по себе замечательная, поучительная и интересная. Это одновременно исторический детектив и история взросления, благодаря которой меняются герои и их отношение к окружающим: Стася и ее новые друзья учатся не делить мир на черное и белое, видеть самые разные цвета (разноцветный снег). Они учатся не рубить сплеча, не судить поспешно о людях и их поступках, внимательнее и терпимее относиться к своим близким, делать собственные выводы, не полагаясь на чужое мнение. Расследование ребят эхом отзывается в современности: Яков Семенович тоже становится жертвой клеветы, на него сыплются несправедливые

обвинения. Так было, так есть, так будет, а потому уроки Якова Семеновича и добытые ребятами сведения особенно важны.

Автор ставит перед подростками проблемы нравственного выбора, заставляет искать мотивы чужих поступков, задумываться о трудных судьбах переживших войну и оккупацию, не проходить мимо тех, кому нужна помощь: оклеветанным педагогам и Ромкиной больной сестренке.

«Фантомас» Алексея Олейникова

Тема предательства и отношения к этому затронута в рассказе **«Фантомас» Алексея Олейникова** в цикле «Велькино детство». Алексей Олейников (31 июля 1979 г.) – современный писатель, поэт, учитель литературы в школе «Лицей Ковчег XXI век» г. Москвы, корреспондент газеты «Первое сентября», редактор детского журнала «Переплет». Пишет современную прозу, фантастику, детскую литературу, эссе, стихи. Родственники по материнской линии происходят со Ставрополя, и детство автора прошло в этих краях. Позднее именно детские впечатления легли в основу первой книги «Велькино детство». В 2007 году сборник рассказов «Велькино детство» (дипломная работа) стал лауреатом национальной детской литературной премии «Заветная мечта».

Главный герой Велька, московский житель, все летние каникулы проводит у бабушки с дедушкой - в небольшой деревеньке под Ростовом. У Вельки есть младшая сестрёнка Полинка и двоюродный брат Витька, мама которого, тётя Наташа, родная сестра мамы Вельки. Но все эти герои эпизодические, на первом плане Велька, а также бабушка и дед.

В сборнике рассказ **«Фантомас»** опубликован последним, восьмым. Рассказ повествует об очередной шалости Вельки – об отправленной записке деду Лёньке с фразой из французского фильма о Фантомасе: *«Итак, теперь я выбрал вас. Готовьтесь к смерти. Фантомас»*. Зачем Велька сделал это? Конечно, это просто игра, с помощью которой, видимо, он хотел восстановить справедливость. Почему дед Лёнька (уже в обращении к пожилому человеку, не по отчеству, «Лёнька» – чувствуется пренебрежительное отношение: *«был полицаем... Он помогал немцам и тоже входил во дворы – к своим односельчанам, к людям, рядом с которыми вырос и которых знал с самого детства»*), живёт как ни в чём не бывало? Ответ на этот вопрос так и не дан в рассказе. Только одним штрихом рисуется *«Лёнька всю жизнь от своей тени шарахался»*. И ещё через слова бабы Зины описана реакция деда Лёньки на записку: *«Он как цей листок развернув, так и затрясся весь, – причитала баба Зина. – Звони, говорит, в милицию. Весь белый, лица на нём нет...»*

С помощью нескольких фрагментов автор рассказывает о фашистской оккупации села в годы Великой Отечественной войны: *«для него [Вельки] события той страшной войны были бесконечно далеки. Ему было странно, но интересно слушать*

рассказы бабушки о войне: о том, как они варили суп из крапивы и жарили оладьи из лебеды, охотились на сусликов и пахали землю на волах».

«Разве можно есть лебеду?» – поражался Велька. Он как-то попробовал – сорвал узорный лист, вытер пыль о шорты и старательно прожевал. Рот тут же наполнился клейкой горькой слюной. Он выплюнул недожёванный лист и побежал запивать лебеду. В горле першило.

«Он слушал рассказы бабушки, как небылицы, и никак не мог представить, что немцы ходили по этим улицам в серой мышинной форме и шлемах-котелках, тархтели на маленьких мотоциклах, поднимая за собой клубы пыли, долго не оседавшей в жарком, безветренном воздухе, что они обыскивали дворы, отбирая последних кур и остатки муки».

Только в конце звучит небольшой монолог бабушки, который чуть-чуть приоткрывает неоднозначность вопроса о предательстве – все ли предатели, кто был полицаями: *«Когда немцы пришли, то сказали – назначайте старосту, – тихо начала она, словно и не с Велькой разговаривала, а продолжала давнюю историю, хорошо известную двору, крыльцу, вечеру, уткам, курам и винограду. – А никто не хотел им быть. Вот один мужик, Микола, и вызвался – я буду. Помню, как я мала была, а он с немцами по дворам ходил и зерно шукав. Пришёл и к нам. Я полезла на чердак, сижусь и зерно выгортаю в мешок. А сама плачу – это последнее зерно, чем буду кормить сестёр? А он мне снизу и говорит – ты, мол, не всё выгортай, дивчина, оставь трошки себе. Гарный мужик был Микола. Никто от него зла не терпел. А как наши вернулись, так его в тюрьму и забрали. Уж как мы просили за него, да всё зря. Вся станица ему потом посылки в Сибирь собирала. А он так и не вернулся».*

«Така жисть» Елены Чистяковой (Шматко)

Елена Викторовна Чистякова (Шматко) – поэт, баснописец, писатель – родилась 2 ноября 1953 года в городе Саратове. По образованию педагог, учитель изобразительного искусства, истории искусств и мелкой пластики. Сейчас живёт в Тамбовской области. <http://spr-tambov.ru/person/chistyakova-elena-viktorovna>

Елена – жена офицера, тема войны ей очень близка. Она очень прониклась людскими судьбами военной поры, поэтому на эту трудную тему у неё есть несколько рассказов. *«В Германии, - пишет Елена, - мы жили на территории бывшего концлагеря Цейтхайн пять лет. И нашли с мужем и детьми запущенное кладбище, стали узнавать и выяснили, что там захоронено более 20.000 только русских солдат. Даже не солдат, а добровольцев (ополченцев, которых в силу возраста не призвали), в основном защитников Москвы. Так как я была председателем женсовета танкового полка, но попросила женщин помочь, и к 40-летию Победы мы навели там порядок».* Елена награждена: неоднократно грамотами командования воинских частей за активную работу в должности председателя женсовета, медалью правительства ГДР за

восстановление памятника и захоронения узников концлагеря Цайтхайн, грамотой правительства ГДР за активную работу в союзе советско-германской дружбы.

Рассказ *«Така жисть»* написан в 2016 году. Текст рассказа я разместила в группе в Контакте: https://vk.com/cibo_window?w=wall-76678816_1346%2Fall также это произведение можно найти на других электронных ресурсах (ПРОЗА.РУ; Литсайт и др.), а Светлана Копылова на канале YouTube его читает: <https://www.youtube.com/watch?v=j0Eyds2o8bk> (8 декабря 2019 г.).

Как пишет сама автор, «этот рассказ родился случайно: в селе Пичаево, райцентре Тамбовской области, решали вопрос об установке скульптуры мордовской княжне (по мотивам моей поэмы «Дубалго Пичай»), и я зашла в библиотеку. Там было чаепитие по случаю дня пожилых людей. Меня тоже усадили за стол. Одна женщина, которая ухаживала за немощной старушкой, рассказала, что та говорит-говорит, будто выговориться хочет. Речь о том, что ей в войну подбрасывали ребятишек, она их всех выходила, вырастила. Так родился у меня этот рассказ. Он очень читаем и любим».

В войну такие женщины и правда были. Начинается словами: *«Баба Маня решила помирать»*, а заканчивается – *«преставилась»* (церковнославянский вариант приставки «пере»: преставиться - переставиться ко Господу). А между этим – целая жизнь человека, женщины, матери... *«Судьба, эмоции и чувства человека в тылу и на войне, его душевные переживания – важнее всего для современного молодого человека»*, - говорит Елена. Все истории, которые описывает автор, были в действительности. Просто она, как писатель, облакает их в художественные формы.

Ещё один рассказ Елены «Парамон» – история про лошадь-солдата – Тамару. Из диалога старого конюха, ветерана, Егорыча, с конём Парамоном мы узнаём историю, как Егорыч лишился ноги и о судьбе лошади, которая «ушла на фронт». Как невероятно, но она вернулась сама домой, заняла привычное место в стойле и как всем селом её выхаживали и спасли.

Другие рассказы и повести Елены о войне – больше для взрослого читателя, они напечатаны в книге «Повести и житейские истории»:

- «Молчаливый собеседник» (об одиночестве стариков),
- «Ушли в войну» (о воспоминаниях девочки, как уходили на фронт молодые девушки-зенитчицы),
- «Вязаные носки» (о воспоминаниях бабушки Марии Ивановне, по этой повести хотят снимать фильм) и другие.

Переводная литература о войне и Холокосте

Один из самых горьких дней года - день памяти жертв Холокоста. Каждое **27 января** мир вздрагивает от воспоминаний ужасов 20 века, гуманитарной катастрофы, истреблении миллионов невинных людей.

Тор Анника «Остров в море» [повесть, перевод со швед.] (у нас вышла в **2006** году в издательстве Самокат): Тетралогия Анники Тор (написана в период с **1996** по **1999** годы) – история двух еврейских сестёр, дочек венского журналиста, нашедших приют на маленьком рыбацком острове в Швеции. В начале Второй мировой войны сестёр из зажиточной еврейской семьи Штеффи и Нелли эвакуируют на остров в море — безопасную территорию. Но на родине, в Австрии, остаются мама и папа девочек. Удастся ли им спастись? И смогут ли приёмные родители, простые грубоватые жители рыбацкого посёлка, дать маленьким беженкам достаточно тепла и заботы, чтобы они смогли пережить выпавшие на их долю испытания? Штеффи и Нелли придётся приспособливаться к новой жизни – в чужих семьях, с тоской по родителям и надеждой когда-нибудь воссоединиться.

Первую книгу тетралогии можно читать уже в начальной школе. Затем сёстры взрослеют, и проблематика книг приближается к подростковой. Продолжения истории о сёстрах Штеффи и Нелли, отданных в приёмные семьи на шведский остров, не затронутый войной: *«Пруд белых лилий» (1997)*, *«Глубина моря» (1998)*, *«Открытое море» (1999)*.

Петер ван Гестел «Зима, когда я вырос» [перевод с нидерландского] (роман был написан в **2002** году, на русском издан в издательстве Самокат в **2014** году): Строго говоря, это книга о послевоенном времени; действие происходит в **1947** году. Голландия восстанавливается после оккупации, но взрослые ещё не пришли в себя: отец десятилетнего Томаса, у которого в войну умерла мама, способен пока только плакать и молчать. А семья новых друзей Томаса — Пит и Бет — хранит ещё более страшную историю. В эту зиму дети становятся взрослее, хотя до конца так и не понимают, как жить, что из воспоминаний брать за основу, — идут, как по тонкому льду.

Это мудрая, тонкая повесть о послевоенном Амстердаме, где лучшим другом героя становится чудом выживший еврейский мальчик, а первой любовью - его сестра. Один из самых сильных образов книги - сапоги фашистов, когда папа с детьми прячется в лесу, затаив дыхание. И потом - стол, уставленный фотографиями людей в тяжелых серебряных рамках. Людей, никто из которых не выжил. Хрупкое чудо жизни и боль совершившегося, рассеянная в воздухе.

Бойн Джон «Мальчик в полосатой пижаме» Книга ирландского писателя была написана в **2006** году, на русском она вышла в издательстве Фантом-Пресс в **2010** году. История глазами десятилетнего немецкого мальчика — Бруно, который беззаботно живёт в прекрасном пятиэтажном доме в Берлине, вместе со своей семьей

и друзьями. Однажды Бруно приходит домой и обнаруживает, что горничная Мария складывает его вещи в чемодан, так как семья вынуждена переехать в Аж-Вьсь, потому что у отца новое важное назначение по службе. Но новое место Бруно не нравится, он скучает, хочет играть, но не с кем. Тогда он отправляется исследовать территорию, которая виднелась ему из окна, где люди разгуливали в одинаковых полосатых пижамах. Там он и встретил своего нового друга — еврейского мальчика, Шмуэля, сидящего по ту сторону ограды. Оказалось, что оба мальчика родились в один и тот же день, и, как казалось Бруно, у них много общего. Они регулярно встречались у ограды, но время шло и родители решили, что Бруно с мамой и сестрой должны уехать обратно в Берлин. Тогда он решил сходить попрощаться со своим другом. Именно в этот момент Бруно решает помочь Шмуэлю разыскать отца. Переодевшись, он становится похожим на остальных узников, в таком виде мальчик пролезает на ту сторону ограды.

Орлов Юрий (Ури Орлев) «Беги, мальчик, беги»

В издательстве «Текст» в 2012 году перевели с иврита эту книгу (2001 года). В статье про Орлева Ольга Мязотс приводит фрагмент его интервью: *«Журналист как-то спросил меня, считаю ли я себя автором романов для подростков о Холокосте. Я был ошеломлен. Я написал 25 книг для различных возрастных групп. И только четыре из них имеют прямое отношение к Холокосту. И они были написаны не для того, чтобы информировать молодых людей на эту тему. Холокост был частью моего детства. А детство писателей, художников, музыкантов, кинорежиссеров нередко становится источником их вдохновения. Так и мое — для меня. Потребность рассказывать истории вела к другим историям, к связям людей разных возрастов и культур. Я получал немало писем от детей, которые прочли мои книги сквозь призму своего опыта».*

Польша, 1942 год. Варшавское гетто. Маленький еврейский мальчик Давид.

Эта книга рассказывает о необычайной жизни и приключениях еврейского мальчика из Польши, который потерял родителей (сначала он потерял отца- тот сумел сбежать, потом мать — она просто исчезла), остался совершенно один на белом свете. Потом Давиду повезло, он смог бежать из гетто. Сбежать, чтобы бежать и бежать 3 года, пока не закончится война. Не раз бывал на краю смерти и все-таки выжил вопреки ударам судьбы. Встречал мальчик и хороших людей (даже среди немецких солдат), встречал и плохих (ведь Давид не поляк, чужак). Читая эту книгу, всё время испытываешь страх за её героя, но и радуешься, когда герой, благодаря своим смекалке, смелости и обаянию, одолевает все выпавшие на его долю невзгоды.

Книга учит, как нужно бороться за жизнь, не впадать в отчаяние, искать и находить решения в самых безвыходных условиях. Нельзя плыть по течению — нужно самому выстраивать свою судьбу. Война, это не только подвиг солдат и пионеров - героев, это подвиг вот таких вот мальчишек и девчонок, которые выжили вопреки тем, по чьему замыслу, они жить были просто не должны.

Пронзительная история о евреях и их судьбе, об отношении к ним немцев и поляков, о событиях военного, страшного времени, которую просто обязаны прочесть люди разных поколений, чтобы знать, помнить, и никогда не позволять повториться всему этому снова.

Другой роман *Ури Орлева «Остров на Птичьей улице»* о мальчике, который ждет отца в разбитом доме в польском гетто и, в пару к нему - документальное свидетельство о Холокосте *«Где-то в мире есть солнце» Майкла Грюнбаума.*

И обе эти истории – гимн жизни, человеку, героизму, любви, дружбе, хотя казалось бы - они о страшном, ужасном, пугающем. В нашем сверхкомфортном мире эти тексты возвращают к настоящему, учат по-настоящему надеяться и ценить жизнь.

Ури Орлев «Остров на Птичьей улице»

Отзыв 11-летней школьницы Эвелины Биляк на сайте «Папмамбук» <https://www.papmambook.ru/articles/4039/> о книге Ури Орлева «Остров на Птичьей улице» - *Разговор с тем, кто выжил.*

«У меня, как и у большинства других ребят, наступили зимние каникулы. Время вихрем нестись с ледяных горок, валяться в снегу, рассекать сверкающую гладь катка новенькими коньками, кидаться друг в друга снежками... А когда эта весёлая возня подходит к концу, все разбегаются по домам – к тёплому чаю, вкусной еде, к мягкой кровати, к маме...

В один из таких вечеров я, сидя в уютном кресле под жёлтым абажуром и дочитывая книгу Ури Орлева «Остров на Птичьей улице», задумалась – а ведь моя жизнь могла сложиться совсем иначе... Что было бы, если бы я, как главный герой этой книги одиннадцатилетний Алекс, мой ровесник, родилась в еврейской семье, живущей во время Второй мировой войны в захваченной фашистами Польше?..

Алекс пять месяцев живет совершенно один на территории заброшенного гетто, в разрушенном бомбежками доме. Ему приходится воровать, чтобы не умереть от голода и холода, убивать, чтобы выжить и спасти другого человека, – то есть вести борьбу за выживание, когда «шевелиющиеся на голове волосы» – совсем не фигура речи. Но самое главное – что при всем этом он остается человеком...

Читая историю этого еврейского мальчика, я заметила, что хотя он и принимал взрослые решения, временами даже мыслил по-взрослому, «строил логические цепочки» (ведь построить и замаскировать настоящее убежище на развалинах, чтобы там можно было жить и чтобы его не заметили фашисты, обычный ребёнок, мне кажется, не смог бы), в Алексе всё равно всегда оставалась частичка ребёнка. Именно благодаря тому, что эта частичка не исчезла, он и выжил. И выжил не только физически, но выжил и душой. Действительно, казалось бы, он просто пытается

выжить, но в душе Алекса, несмотря ни на что, есть место и любви к польской девочке Стасе, и радость от первого снега, и восторг от катания на коньках...

Читая эту книгу, ты как будто разговариваешь с автором, но в голове звучит не голос взрослого седого писателя Ури Орлева, а голос одиннадцатилетнего еврейского мальчика, прошедшего через шесть лет Второй мировой войны. Ты именно разговариваешь - не задаёшь вопросы, не выслушиваешь ответы, а разговариваешь, как со старым знакомым – Ури Орлев как будто оглядывается назад и рассказывает, каково было тогда жить евреям. Рассказывает не как взрослый автор, а рассказывает той частичкой ребёнка, которая осталась в нём и не умерла во время войны, позволила ему выжить, поэтому и звучит именно детский голос.

Книга «Остров на Птичьей улице» – в том числе и о том, что быть евреем во время Второй мировой войны – это значит уже быть наполовину мёртвым, не таким как все. Но даже наполовину мёртвые сопротивляются, когда им есть за что бороться. Мама и папа Алекса боролись ради него, Алекс боролся ради встречи с отцом, и у каждого еврейского борца Сопротивления тоже была своя цель... Алекс не понимает, что плохого сделали евреи, что плохого сделал он сам, родившись евреем. Честно говоря, я тоже не могу понять, почему фашисты так горячо ненавидели евреев, ведь по такому принципу можно ненавидеть и кареглазых, и брюнетов, и левшей. Выбрать любой признак – и начать ненавидеть...

А Алекс просто живёт, живёт и радуется жизни, живёт, выживает и ждёт встречи с отцом... Кто-то радуется новому подаренному айфону, победе в олимпиаде или новым впечатлениям от поездки в чужой город, а Алекс – тому, что жив его друг белый мышонок Снежок, или что он впервые за долгие месяцы поговорил с человеком – со случайно встреченной девочкой Мартой, или что он нашёл в заброшенном доме немного продуктов, а значит ему будет что есть и он не умрёт с голоду. События разные – а радость всегда одна и та же.

Мы радуемся каникулам, а каждый школьный день практически для любого школьника – это каторга и плохое настроение, а Алекс завидовал польским школьникам, идущим в школу каждое утро, наблюдая за ними в бинокль из своего убежища на развалинах гетто...

Перевернув последнюю страницу, ты уверен, что у Алекса всё обязательно будет хорошо. Он выстоял и выжил, он остался человеком, он дождался отца, но в голове остаётся единственный вопрос, звучащий между строк – а что было бы, если бы там оказался ты?» Эвелина Биляк, 11 лет.

Еще в **1997** году по мотивам этой книги был снят фильм *The Island on Bird Street* (Дания, Великобритания, Германия, 107 мин.): В хмуром городке оккупированной Польши волна за волной происходит фильтрация местного населения, когда отряды местных помощников гестапо при поддержке солдат СС выковыривают прячущихся по щелям немногочисленных евреев, всё еще поддерживающих жизнь в опустевшем гетто. Где-то там, в одном из домов, в квартире на верхнем этаже за стеной платяного

шкафа, было убежище десятилетнего Алекса, которого, как могли, оберегали отец и пожилой дядя Барух.

Между детской беготкой на свежем воздухе и игрой в прятки с назойливыми солдатами вермахта мальчик с упоением читал свою любимую книжку про Робинзона Крузо и делал он это вслух — чтобы слышал шустрый белый мышонок, скрашивавший его невеселую жизнь. А когда родственников увели за колючую проволоку лагерной ограды, хвостатый друг стал единственным спутником Алекса, оставшегося в одиночестве ждать возвращения отца среди руин разбитого бомбой здания — на том самом необитаемом острове Птичьей улицы, где, как Робинзон, он начал борьбу за свое существование.

«Где-то в мире есть солнце» Майкла Грюнбаума

Восемьдесят мальчиков прошли через комнату 7 в Терезине. Выжило 11. Майкл Грюнбаум пересказывает несколько лет собственного детства.

Это детство в концлагере. Но мальчишки здесь играют в футбол, репетируют пьесу и концерт, чему-то учатся и о чём-то спорят, и кажется иной раз, что ничего настоящего ужасного с ними не происходит. Словно бы всё настоящее — где-то ещё, не здесь. Потом окажется, что они — часть декораций, прикрывающих для остального мира ужасную реальность. Этой реальности противостоит всего лишь мальчишеское братство — беспомощных, в сущности, ребят. Но не совсем. Двадцатилетний Франтишек Майер становится тем самым восьми десяткам почти отцом. Мыть руки, застилать постель, учиться и поддерживать друг друга — простые вроде бы правила не позволят мальчишкам опуститься и быть одним целым даже, когда командира уже не будет рядом. Это Майер будет как бы невзначай напоминать: "Когда Миша вернётся в Прагу, а Павел в Оставу, а я в Брно, мы все должны вернуться как люди".

И этот день настанет.

(издательство Самокат)

Маркус Зусак «Книжный вор» Действие происходит в нацистской Германии, начиная с января 1939 года. Повествование ведётся от лица Смерти. Главная героиня романа — девятилетняя Лизель Мемингер, становящаяся старше по мере развития сюжета. У Лизель нелёгкая судьба: её отец, неизвестным образом связанный с коммунистами, без вести пропал, а мать, не в силах ухаживать за девочкой и её братом, решает отдать детей на воспитание приёмным родителям, тем самым спасая её от преследования нацистских властей. По дороге к новому дому брат Лизель умирает, вероятно от пневмонии, что происходит прямо на глазах у девочки, оставляя тяжелое впечатление на всю жизнь. Брата Лизель хоронят на кладбище, где девочка и крадет свою первую в жизни книгу — «Наставления могильщикам».

Вскоре Лизель приезжает в городок Молькинг (город вымышлен автором) к своим новым приёмным родителям Гансу и Розе Хуберманам (работающими маляром и прачкой), которые живут на Химмель-Штрассе (что в переводе означает «Небесная улица»). Роза встречает девочку не слишком приветливо, но Лизель вскоре привыкает

к здешней манере общения и сближается с приемной матерью, поняв внутреннюю доброту Розы, скрытую под налетом грубости. Зато с Гансом у девочки складываются прекрасные отношения и наступает полное взаимопонимание. Кроме того, Хуберман — антифашист, что играет немаловажную роль при развитии событий. Проживая на Химмель-Штрассе, Лизель быстро заводит себе новых друзей, одним из которых становится Руди Штайнер, соседский мальчишка, которому суждено стать её лучшим другом и первой любовью. Руди восхищается великим спринтером Джесси Оуэнсом, темнокожим атлетом, разбившим теории нацистов о превосходстве белой расы и завоевавшего четыре золотые медали на Берлинской олимпиаде. Подражая ему, Руди выкрасился углем в черный цвет, и бегал на местном стадионе, пока его отец не забрал его домой. Друзья вместе ходят в школу, играют в футбол, воруют книги для девочки, попадают в неприятности, раскидывают хлеб пленным евреям — все события своей жизни они переживают вместе.

По мере развития сюжета Ганс учит Лизель читать, выводя буквы краской на стене подвала. Чтение так увлекает её, что она начинает воровать книги, из неё получается настоящая «книжная воришка». Первой сворованной книгой становится «Пожатие плеч», которую Лизель стащила с пепелища на площади, где фашисты сжигали книги «расово неполноценных» авторов. Затем жена бургомистра отдает Лизель книгу «Свистун». По мере развития сюжета, автор развивает мысль о том, что книги для Лизель значат гораздо больше, чем кажется. Они вскармливают её душу, дают ей пищу для ума и почву для развития. Книги — единственная отрада в нелёгкой жизни девочки. В кульминационной части романа у Лизель появляется новый друг — Макс Ванденбург, беглый еврей, временно поселившийся у Хуберманов, прячущих его в подвале собственного дома от нацистов. Отец Макса спас Гансу Хуберману жизнь во время Первой мировой войны и тот считает нужным возратить долг погибшему товарищу, спасая его сына. Макс и Лизель становятся верными друзьями. Макс дарит Лизель иллюстрированную книгу, в которой делится с ней с самыми сокровенными мыслями. По иронии судьбы, Макс пишет данную книгу, закрасив страницы книги Гитлера Майн Кампф, лейтмотивом произведения являются слова Лизель: «У тебя волосы из перьев», произнесённые ею в момент, когда она впервые увидела Макса. Между ними устанавливается духовная связь, они привязываются друг к другу на всю оставшуюся жизнь. В 1942 году Макс всё же покидает дом на Химмель-Штрассе, когда возникает угроза его обнаружения. Через какое-то время его ловят и отправляют в концентрационный лагерь Дахау недалеко от Мюнхена.

Детство Лизель пронизано событиями Второй мировой войны. В сюжете романа отражается всё: идеи нацизма, гонения евреев, разделение немецкого народа на две половины — тех, кто за и тех, кто против идеологии Гитлера. Хуберманы показаны как обыкновенная немецкая семья, не разделяющая фашистские взгляды (Ганс Хуберман подал хлеб пленному еврею, отказался от вступления в НСДАП, вместе с женой и приемной дочерью приютил беглого еврея).

Лизель — жертва своего времени. Девочка, ненавидящая Адольфа Гитлера, который загубил всю её семью (родную, а впоследствии и приёмную), не может

сделать ровным счётом ничего. Она собственными глазами видит все унижения, которые приходится претерпевать людям, не принадлежащим к арийской расе, и всё это тяжким камнем ложится ей в душу. Книга заканчивается трагически — ночью на Химелль-Штрассе обрушиваются бомбы и в живых остаётся лишь одна Лизель, которая в ту ночь сидела в подвале, где заснула, когда записывала свою историю. Лизель, которой на тот момент уже четырнадцать лет, забирает к себе бургомистр с женой. Затем с войны возвращается отец Руди Штайнера Алекс, который содержит ателье и Лизель часто ему там помогает. Там же её находит Макс, вернувшийся из освобождённого концлагеря. Впоследствии Лизель публикует свою историю под названием «Книжный вор», где рассказывает о своей судьбе.

В эпилоге Лизель, будучи замужем и уже пожилой женщиной, живёт в Австралии в Сиднее. Туда же к ней навещается Смерть, который показывает, что он нашёл её книгу. Прежде чем забрать Лизель он сообщает ей единственную правду, которую по правде знает: «Меня обуревают люди».

Самое трудное, после того, что пережито – возвращение к нормальной жизни. Героиня *Маши Рольникайте* – не автогероиня, она не попала, как сама Маша, в вильнюсское гетто, смогла пережить страшное время, скитаясь и прячась. («*Привыкни к свету*» – художественное продолжение её дневника «*Я должна рассказать*»). Еврейский ребёнок становится испытанием для литовцев: каждый проходит его в меру своих сил, рискуя собственной семьёй. И всё-таки испытание пройдено. Осталось научиться жить в изменившемся мире. Привыкнуть, что не надо прятаться, и не бояться. Попробовать найти родных. И, наконец, самое сложное: написать сочинение «Как я представляю себе жизнь после войны»...

Говорить о Холокосте с детьми - тяжело. Но не говорить - невозможно, мир изменился навсегда после произошедшего в 20 веке. И любое притеснение и угнетение людей по признаку национальности страшно - именно потому что с этого начинался Холокост.

Художественная литература, как любое искусство, помогает понять, осмыслить, почувствовать, минимально поранившись о реальность. Надеюсь, предложенные в обзоре книги помогут Вам в Вашем разговоре с детьми о войне и холокосте или... с самим собой.

Баранова М.В., главный специалист Инфцентра ГАУ ДПО ЯО ИРО